

ИЮЛЬ

В высоченной траве потерял журавлят
И летает, тревожно курлыкая,
А под ним, журавлем, озерки, пережат
Беспокойной речонки Нарыка.
Почему — я не знаю, но так повелось,
Что журавль и печаль нераздельны,
Вот и я загрустил, понимая, что гость
Я в таежных краях двухнедельный.
И опять на асфальт!

Отдал городу жизнь,
По натуре я не горожанин.
Журавлем бы подняться в июльскую высь,
Оглядеть бы все то, чем я ранен.
И не горько, а радостно. Так говорят,
Полюбив, привязавшись до боли.
Рад до боли тому, что кипит пережат...,
И лодчонке моей на приколе.
Тальникам и туманам и каплям росы,
Белым тучкам, плывущим с Алтая.
Я неделю уже не смотрю на часы,
Ни секунд, ни минут не считая.
Сколько раз собирался поехать на юг.
И врачи посылали на взморье.
Соберусь. Укреплюсь. Но припомнится вдруг,
Как шумят пихтачи в Синегорье,
Но увидится вдруг беспокойный Нарык,
Всплески хариусов на Канзасе.
И садишься чинить и латать дождевик,
Собираешь рыбацкие снасти,
И опять — не на юг!

И опять только здесь.
Никаких ни Анап, ни Цхалтубо.
Измотаюсь я там.

Истоскуюсь я весь!
Родила меня мать однолюбом!